

Из русских списков «Девгениева деяния» для данной цели интересны Мусин-Пушкинский и Тихонравовский тексты, представляющие первоначальную русскую редакцию произведения.⁴

Параллельный анализ возможен в семи эпизодах, совпадающих по содержанию: 1) охота юноши Девгения на диких зверей; 2) описания внешности Девгения и его одежды; 3) описание убранства коня Девгения; 4) диалог Девгения со Стратиговной; 5) похищение Стратиговны; 6) битва Девгения с родными Стратиговны; 7) перечисление свадебных подарков, полученных Девгением.

М. Н. Сперанский в своей монографии показал, что описания и перечень подарков в первой русской редакции «Девгениева деяния» почти дословно следуют за греческим оригиналом.⁵ Он пришел к выводу, что такие совпадения — наглядное доказательство того, что «Девгениево деяние» было переводом (а не переделкой) общего протографа рукописей о Андроса, Трапезундской и Гроттаферратской. Позднее этот вывод был уточнен А. Стендером-Петерсеном⁶ и А. Грегуаром,⁷ которые высоко оценили точность русского перевода (описания одежды, внешности и т. п., перечисленные подарки).

Для нашей цели — сравнительного анализа стилистики — гораздо больший интерес представляют эпизоды (охота Девгения на диких зверей, похищение им невесты — прекрасной дочери Стратига и битва с ее родными), в которых обращают на себя внимание не только точные совпадения лексики перевода, но и отличия.

«Ведущие стилистические тенденции каждого исторического периода наиболее выражались в подборе поэтических „формул“, характерных для определенных групп литературных жанров, — указывала В. П. Адрианова-Перетц. — С этой точки зрения весьма продуктивным для последующих обобщений явится изучение метафорическо-символического языка средневековой русской литературы».⁸

Изучая стилистику русского текста «Девгениева деяния», М. Н. Сперанский выделил обильные сравнения, «придающие изобразительность, картинность рассказу и построенные при помощи „как“ (яко)». Он сопоставил их с аналогичными сравнениями в ранних переводных произведениях («История иудейской войны» Иосифа Флавия) и в русских оригинальных памятниках («Слово о полку Игореве», Галицко-Волынская летопись). Исследователь подчеркнул общность «не только в способе построения их, но, кроме того, и в самом подборе материала для сравнения: это преимущественно область мира животных (сокол, волк, лев, пардус, тур, орел и т. п.), явлений природы (дождь, снег), притом эти образы животных и картины природы часто будут одни и те же. Видимо, этот круг предметов сравнения был в значительной степени ходячим, общепринятым в той среде, которая дала нам и перевод

⁴ Подробнее об этом см.: М. Н. Сперанский. Девгениево деяние. К истории его текста в старинной русской письменности. Исследование и тексты. — СОРЯС, т. ХСІХ, 1922, № 7 (далее: Спер.), стр. 48—56, 82—87 и др.

⁵ Там же, стр. 15 и 115.

⁶ A. Stender-Petersen. Zum Problem des Digenis-Romans. — Slavische Rundschau, Prag, 1938, Jahrgang, X, № 6, стр. 198.

⁷ A. Gregoire. Le Digenis russe. Russian epic studies, edited by R. Jakobson and E. F. Simmons. — Memoirs of the American folklore society, vol. 42 (1947). Philadelphia, 1949, стр. 137—138, 146—147.

⁸ В. П. Адрианова-Перетц. Очерки поэтического стиля древней Руси. М.—Л., 1947, стр. 10.